

МАЛЕНЬКА
ИСТОРИЧЕСКА
БИБЛИОТЕКА

ОЛЕГ ТИХОМИРОВ

Сказ
об Иване
Болотникове

Д

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ	3
ВОЙСКО БОЛОТНИКОВА	6
С БОЯМИ К МОСКВЕ	8
РУДЦЫ	11
БЕССОННАЯ НОЧЬ	13
ИЗМЕНА	15
ДРОВЯНАЯ ГОРА	18
ИЗ КАЛУГИ В ТУЛУ	22
ПЛОТИНА	25
АМБАР ПШЦОВА	26
НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА	28
ЦАРСКОЕ ОБЕЩАНИЕ	29
НА РЕКЕ ОНЕГЕ	31

Рисунки Л. НЕПОМНЯЩЕГО

Тихомиров О. Н.

Т46 Сказ об Иване Болотникове / Рис. Л. Непомнящего. — М.: Дет. лит., 1988. — 32 с.: ил. — (Маленькая историческая б-ка).

ISBN 5-08-001159-9 *

* Исторический рассказ о крестьянском восстании под руководством Ивана Болотникова в XVII веке.

Т 4803010102-221 352-88
М101(03)-88

ББК 84Р7

ISBN 5-08-001159-9

© Иллюстрации. Текст с изменениями.
Издательство «Детская литература», 1988

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Плохонькая избушка была у Михея. Соломенная крыша протекала, крыльцо провалилось. И не потому жил Михей в такой избе, что был он мужик непутёвый или нехозяйственный. Больно лютым был у него господин. Не даст ни дерева срубить в лесу, ни соломы с поля взять. Про таких говорят: у него зимой снегу не выпросишь.

И вот беда какая: никуда не денешься от хозяина. Все мужики были его крепостными крестьянами. Они* были крепко приписаны к той земле, которой владел помещик. А поместья давал своим «лучшим слугам» — боярам и дворянам сам царь.

Некому было жаловаться крестьянам. Оставалось одно: или терпеть, или бежать от хозяина. И многие бежали. Такие беглые крестьяне уходили на Дон, на Днепр и прочие украинские (окраинные) земли. Словом, подальше от Москвы, от царя и его слуг. Там крепостные становились вольными людьми — казаками. А власти называли таких людей ворами и разбойниками.

Михей тоже хотел бежать на южные украинские земли. Да как? Трое ребятшек у Михея. Попробуй с ними убеги. И оставаться тяжко. Что делать? Ну прямо хоть волком вой.

Как бы там ни было, а всё же решился Михей вначале свою избёнку подправить. Не то ведь, чего доброго, совсем завалится. Где жить тогда?

Тёмной ночью срубил он в лесу дерево. Только стал отсёвывать и вдруг видит, выходит на него человек. «Ну, — думает Михей, — пропал я. Видать, кто из слуг хозяйских. Поведёт к господину, а там... Вон Сидорка-то одну рыбинку в пруду поймал — запороли. Нет уж, не дамся...» И ухватил Михей топор покрепче, поудобнее...

— Брось топор, — говорит незнакомец, — не бойся. Я тебе зла не сделаю. Ты кто будешь-то?

— Я Михейка Долгов.

— Здесь живёшь?

— Тутошний. А ты?

— А я сегодня тут, завтра — не знамо где буду. Хозяин твой кто?

Михей снова сказал топор.

Человек усмехнулся:

— Да ты не бойся, говорю. Я ить не доносчик.

— А на что тебе мой, хозяин?

— Ты сам-то отвечай, не спрашивай. — И человек повелительно взглянул на Михея.

Тот, помолчав немного, произнёс:

— Ну, князь Шинягин Гаврило Тимофеевич.

— Кровопийца-то? Слышал про такого.

Михей молчал, не знал, что сказать. Со своими мужиками они не раз поминали хозяина недобрым словом. Так то — свои. А тут поди разбери, кто он, этот человек. Не выдал бы.

— Чего молчишь?.. Нешто не у вас третьего дня по его приказу двоих палками забили?

— Вестимо, у нас...

— Али не у вас, скажешь, народ с голоду пухнет?

— И то верно.

— А чего терпите?.. Доколь он вашу кровь сосать будет? Не опостытело вам на его земле и три погребели гнущься?

Михей ничего не ответил. Лишь досадливо крикнул да с силой вогнал топор в бревно.

— Во! Эдак бы по шинягинской шее, — сверкнул глазами человек. — А землю его между мужиками поделить.

— Да за это... знаешь что сделают?.. — прошептал Михей.

— Что сделают, коли вы все возьмёте в руки топоры да вилы?

— Войско против нас вышлют.

— А вы сами в войско ступайте. К Болотникову. Слышал про такого?

— Не слыхивал.

— Зови завтра сюда об эту пору верных людей, я вам всё расскажу. Приведёшь?

Михей ответил не сразу. Сверкающие глаза незнакомца жгли его. «Видать, горячий человек, — думал Михей. — Не разбойник ли?.. А-а, чего там! Лучше на воле погуляю, чем погибать от господских налогов или подыхать с голоду...»

— Приведу, — сказал Михей.

Так люди Болотникова ходили по городам и сёдам — водновали народ, чтобы новые отряды вливались к нему в войско.

Кто ж такой Иван Болотников? Откуда он взялся? Чего хотел?

Был он холопом у боярина Телятевского, но бежал. Ловок он был да силен. Умел хорошо саблей рубить, копьем колоть, из ружья стрелять. В южных степях сошёлся с казаками, был у них атаманом. Но во время одного из походов захватили его в плен татары. Продали они Болотникова в рабство в Турцию. Несколько раз плавал гребцом на галере. После боя с немецкими кораблями, в котором турки были разбиты, немцы привезли Болотникова в Италию. Оттуда через Германию и Польшу вернулся он в 1606 году в Россию.

А в Русском государстве ох и смутное, беспокойное было время! И среди бояр шли раздоры за власть, и в народе поднимались волнения одно за другим.

В мае 1606 года в Москве убили Лжедмитрия Первого. Это был самозванец Гришка Отрепьев, выдававший себя за царевича Дмитрия — сына Ивана Грозного. Но царевича убили ещё в детстве. А Гришка сговорился с польским королём Сигизмундом, чтобы король поддержал его, за что Гришка, мол, отдаст потом часть русских земель. Недолго правил самозванец. Вначале ждал от него народ указов справедливых, но Лжедмитрий лишь знай пиры с поляками закатывал, казну опустошал. А откуда ещё денег взять? Известное дело — народ посильнее придать. Не выдержали москвичи, ворвались во дворец, убили самозванца, тело сожгли, зарядили пушку цеплом и выпалили в ту сторону, откуда он пришёл.

Царём стал Василий Шуйский. Но не дал волю новый царь ни холопам, ни крепостным крестьянам. Да и многим дворянам не по душе пришёлся царь Василий: лишь своих приближённых жаловал он поместьями и чинами.

Вот в такую пору и появился в Путивле Иван Исаевич Болотников.

— Люди добрые,— сказал он посадским холопам,— не видать нам воли как своих ушей, ежели не поднимемся мы на господ. А царь Шуйский лишь о собственном благе печётся и своим боярам угождает. Гнать такого царя с престола!

Дерзкие были те слова, да запали они каждому в сердце.

— Мы с тобой! — закричали холопы.

— Веди нас, куда хощь!

— Волю добудем или сложим с тобой вместе головы!

Вскоре в войске Болотникова собралось двадцать тысяч холопов и крестьян, да ещё примыкали к нему со всех сторон разные люди посадские, стрельцы и казаки.

Пришёл к Болотникову и путивльский воевода князь Шаховской:

— И ты, и я против Шуйского. Мой человек Истома Пашков уже отправился с дворянскими отрядами к Ельцу. Коли и ты будешь на Москву двигать, я тебе помогу.

— Добро, ежели правду говоришь,— отвечал Болотников.— У тебя есть конья, сабли, ружья да порох — вели раздать моим людям.

— Велю. А кто побьёт Шуйского — твоё ли войско, дворянское ли — не столь важно. Одно мы с тобой дело задумали. Главное — царя Василия с трона согнать.

Вовсе не одно и то же они задумали. Совсем разное держали у себя на уме. В войске Пашкова о том и слышать не хотели, чтобы простому народу дать волю. Лишь себе дворяне выгоду искали.

Болотников понимал, что с князем надобно держать уху остро, но виду не подал.

— И пушки у тебя, сказывают, есть...

— Истоме Пашкову отдал до последней,— солгал Шаховской. Не мог он расстаться со всеми пушками, боляно было при себе ни одной не оставить.

— Ладно,— молвил Болотников.— Пушки в бою добудем.

...А люди к Болотникову в войско всё шли и шли. Не зря посылал он в города малые и большие, в деревни и еёла верных гонцов. Не зря рассылал он простому люду свои «листы», в которых призывал «побивать вельмож и сильных».

Войско восставших росло, росло.

С БОЯМИ К МОСКВЕ

В городе Кромь гудел колокол. Посадская гольтьба кинулась к боярским домам с криками: «Бей душегубов!»

Едва успели доложить Шуйскому о Кромах, как поднял народ в Ельце.

Царь думал тяжкую думу: «Ежели этот вор Болотников войдёт в Кромь, оттуда, почитай, прямая дорога на

Москву. А в Ельце-то ещё Лжедмитрий собрал оружия всякого, да пороха, да пушек: хотел оттуда в Крым идти. Значит, всё это теперь в руках смутьянов. И во главе у елецких, сказывают, Истома Пашков, дворянин...»

— На Кромь пусть князь Трубецкой с войском движется, а на Елец — князь Воротынский, — распорядился царь. — Ивашку Болотникова мне живьём приведите. Хочу посмотреть, каков он у палача на плахе будет.

Оба войска осадили Кромь и Елец, но взять не могли.

Царь каждый день спрашивал: как, мол, там идёт осада? Но ничего нового не слышал. Стоит войско и под одним городом и под другим, а толку никакого.

Но вот в августе примчался гонец с новостью:

— Государь, князь Трубецкой к Орлу отступает.

— Да что ты мелешь, дурень? — рассердился царь.

— Воля твоя, государь, а только разбил Ивашка под Кромами князя. Вот те крест. — Гонец перекрестился.

Через несколько дней прискакал к царю другой гонец, бухнулся в ноги:

— Государь, князь Воротынский разбит...

— Как?! — вскричал Шуйский.

— Наголову разбит. Истома Пашков гонит его к Туле.

Так, по двум направлениям, и преследовали отступавших отряды Болошников и Пашкова.

Вот уже взяли Орёл, Мценск, Белёв, Перемышль...

Царь посылает новое войско во главе со своим братом князем Иваном Шуйским. Этот воевода считал, что остаются «вора» возле хорошо укреплённой Калуги. Среди городов, прикрывающих Москву с юга, Калуга и Тула были самыми крепкими.

23 сентября 1606 года неподалёку от Калуги, там, где в Оку впадает река Угра, сошлись два войска — Шуйского и Болотникова. Вначале потеснили вроде бы царские ратники восставших. Князь думал уже посылать человека с доносением о победе.

— Скажешь, взяли мы верх, — торопливо поучал он гонца...

Но тут с флангов ударила казачья конница. Смяла передних ратников, опрокинула, и вот уже побежали они в страхе, бросая оружие. Несколько тысяч убитых оставил князь на поле боя.

* * *

Истому Пашкову сдалась Тула. А вскоре его войско разбило царских ратников у села Троицкого неподалёку от Москвы. Шуйскому оставалось лишь запереться в стенах столицы.

И каждый день новые вести — одна хуже другой. Докладывают царю:

— Ивашка Болотников захватил Рузу, Волок Ламский и Звенигород. Идёт на Москву через Вязёмы...

— Истома вступил в Коломенское...

— Ивашка тоже в Коломенском. Два воровских войска соединились...

Царь задрожал: Коломенское было в тринадцати верстах.

Восставшие осадили Москву. Но осада была не полной, а только с юга, со стороны Замоскворечья.

РУБИЦЫ

Встреча двух воевод казалась дружеской.

— Значит, вот ты какой, — говорил Истома, пожимая руку Болотникову. — Собой пригож, в плечах косая сажень.

— Да и в тебе, Истома Иваныч, слышал я, на семерых силушки хватит.

На следующий день устроили воеводы смотр. Обехали все отряды вместе.

— Что ж, — сказал Пашков, — войско у нас великое. Принимаю твоих людей. Ты, Иван Исаич, моей правой рукой станешь. Дело у нас одно — и сражаться будем рука об руку.

— Прав ты, Истома Иваныч, главный над войском один должен быть. Да только, вишь, людей-то у меня вдвое больше твоих. Море в реку не впадает. А стало быть, давай ты мне свои отряды, я же тебя первым помощником сделаю.

Скрипнул зубами Пашков, да пришлось подчиниться.

— Будь по-твоему. Согласен. И коли так, оставляю тебе коломенский лагерь. Своё войско уведу за три версты. — Он повернулся, зашагал прочь.

Новый лагерь Истома разбил на том месте, где речка Котёл впадала в Москву-реку.

В тот же день вечером привели к Болотникову человека. Себя он не назвал, сказал только, что дело его лишь воеводы касается.

— Кто ты и зачем пришёл? — спросил Болотников.

— Не выдай, батюшка, я те всё расскажу. — Человек упал в ноги.

— Встань. Подойди сюда... Говори.

— Я из холопов Пашкова Истома Иваныча. И брат мой Сенька у него ж... — И замолк.

— Ну?

— Не выдай, Иван Исаич... — Незнакомец опять повалился на пол. — Дело наше холопы — господину служить... Смею ль...

— Кому сказал, встань, — рассердился Болотников. — Эх забит. Будто лист осиновый трясётся. Он приподнял холопа: — Не пужайся, коли пришёл. Говори, я слушаю.

— Возьми нас к себе, Иван Исаич. Шибко крут хозяин наш. От батога да кнута, чай, ни на ком живого места не осталось. Глянь-ка. — Он задрал на спине рубаху.

Помрачнел Болотников: рубцы, рубцы... Вспомнилась турецкая галера, свист кнута. Вон как обернулось — идёт он волю мужикам добывать, а в его же войске господа холопов секут. Да поди поговори с Пашковым! «Мои, — скажет, — холопы. Что хочу, то и ворочу». Призадумался Болотников.

Холоп кашлянул:

— Стало быть, что? Не откажи, батюшка.

— Да как мне вас взять? Ежели он не отдаст — силой забрать? Он же союзник мой, воевода.

— Правдой-неправдой, а забери. Хочешь, сбегём к тебе. Войско-то у тебя великое — затеряемся. Христом-богом прошу!

— Добро, — кивнул Болотников.

— А на тебя, Иван Исаич, — холоп перешёл на шёпот, —

держит Пашков камень за пазухой. Ждёт часа, когда вытащить. Лихо, вишь, помышляет.

— Пошто?..

— Ты о том Сеньку спроси. Ему ведомо: он-то при господине. Мы с ним завтра об эту пору воротимся.

Но ни Сенька, ни брат его на следующий день не появились. Поймали их люди Пашкова, забили насмерть.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

С высокого берега задумчиво смотрел Болотников на Московку-реку, что широкой серой лентой тянулась внизу.

Вот почти и сбылась его мечта. Привёл он народ под стены столицы. Шутка ли — семьдесят городов заодно с Болотниковым. Сколько мужиков вздохнули вольно, сколько земли поотбирали у господ.

Болотников окинул взором свой лагерь. Шатры, кони, обозные телеги, огни костров. Людские голоса сливались в многотысячный гул. Море-океан людей. И не только простой люд здесь собрался. У Болотникова теперь в подчинении были и дворяне, и атамань казаки, и князья. Вот ведь как всё обернулось. И князь Телятевский тоже заодно с Болотниковым, Иваном Исаевичем величает своего бывшего холопа, а раньше-то Ивашкой кликал...

Всё это так. Но поди-ка возьми Москву. Близок локоть, а не укусишь. Стены вон каковы: высокие, крепкие.

«Нет, — размышлял Болотников, — приступом Москву не возьмёшь. Нужно полным кольцом её охватить. Замкнуть, словно на замок. Чтоб ни одна живая душа ни туда ни сюда».

Долго стоял на берегу Болотников. Вот уж и ночь надвинулась. Стих гул над лагерем. Поугасли костры. Лишь те горели, возле которых несли свою стражу дозорные.

Наконец направился Болотников к себе в шатёр, но уснуть не мог. Сон не шёл. «Вот поднять бы народ в самой Москве», — беспокойно думал Болотников.

А в Москве в своей опочивальне тоже не спал царь Василий Шуйский.

Ой не по-царски ему дышалось! Чувствовал он себя то зверем загнанным — вот-вот схватят, то узником жалким — заперли его в темницу, тесно там, черно и душно, а на свет божий не выйдешь.

Окружил он свои хоромы стрельцами надёжными, а всё заговор ему мерещился боярский. Чу!.. Что за шорох?.. Не убийца ли с ножом крадётся подосланный?

Вскакивал царь с постели в холодном поту... Нет! Никак, мышь окаянная пробежала. Долго стоял царь посреди опочивальни, прислушивался. Потом шёл сам провратить стражу.

А то чудилось ему — бежит по московским улицам толпа. С топорами, дубинками, вилами. Крики... Неужто открыли ворота Ивашкиной гольтыбе?

Опять шёл царь Василий к стражникам — велел лезть на колокольню да смотреть, всё ли в порядке в городе.

Недовольно шепталась стража:

— Ишь, государя-то угомон не берёт.

Не находил себе места Шуйский. Всё думал, где бы ещё войско добыть, на кого опереться. Надежда была на Смоленск, Тверь и северо-восточные города.

Пока что Москва держалась.

«Но как дальше быть? — прикидывал царь. — Хлеб дорогой — народ волнуется, служилых людей мало, казна пуста... Хорошо, хоть северные дороги не захвачены: может, придёт подмога-то?»

А ещё думал царь Василий, что надо бы распустить слух по всем городам, будто войска царские крепко побиты восставших. От слуха такого польза была бы немалая. «Эх, кабы на самом деле разбить поскорее Ивашку!» — тяжело вздыхал царь.

У Михея Долгова был свой конь. Да ещё какой сильный, резвый! Такой конь Михею раньше бы и во сне не приснился. Захватил он этого коня в одном из сражений.

И вот теперь сам он нёсся среди других всадников, помахивал саблей и чувствовал: нет, не отбить их натиска царским ратникам, что засели в Красном селе.

Истоме Пашкову поручил Болотников перебраться на левый берег Москвы-реки и захватить Ярославскую дорогу. А чтобы войско Пашкова усилить, придал ему Болотников несколько своих отрядов в подмогу. С таким отрядом и скакал сейчас Михей на Красное село.

Главные же силы Болотникова находились в Замоскворечье, на правом берегу Москвы-реки.

26 ноября к вечеру Пашков напал на Красное село, но взять не сумел. Заночевать войску пришлось неподалёку. Истома и дворяне устроились в походных шатрах. Мужики легли вповалку, накрывшись кто чем мог. Предстоял нелёгкий день: опять нужно было биться за село, и главное — захватить дорогу и сомкнуть кольцо вокруг Москвы.

На ночь Михей был назначен в стражу. Ночь выдалась студёная, звёздная. Михей почти не ощущал холода. Так радостно и вольготно было ему сейчас. «Ну вот, — думал он, — недолго воевать осталось, возьмём столицу, а там и домой можно». Соскучился он по дому. Теперь-то он человек свободный, и земля своя у него будет, а не господская.

Вдруг увидел Михей, как во тьме со стороны береговой рощи вспыхнул огонь. Кто-то помахал факелом, будто сигнал подавал.

Через некоторое время из села выехало пятеро всадников. Когда они приблизились, Михей выступил вперёд и крикнул:

— Стой!.. Не велено никого пущать.

И другие стражники, товарищи его, наставили на конных ружья.

— Прочь с дороги, дурень,— бросил один из всадников, не останавливая коня.

— Сам Истома Пашков,— шеннул Михею стражник, что стоял рядом.— Упаси бог разгневать.

Конники проследовали к роще. Назад вернулись не скоро.

Неведомék было Михею и его товарищам, что Истома Пашков встречался в ту ночь с посланцами царя Василия. Уже не раз подсылал Шуйский своих людей к Пашкову: склонял на измену, обещал оставить ему его войско. Пашков и сам уже ясно видел: нет, не повести за собой всё войско Болотникова, а «листы», в которых Болотников призывал холопов бить господ, были дворянину Пашкову что нож в сердце. Уж лучше с боярским царём ужиться, чем с мужиками. «На условия государа согласен,— сказал

сегодня в роще Пашков царёвым посланцам.— Начиную служить ему завтра же!»

Однако увлечь всё своё войско на предательство Пашкову не удалось. Крестьяне да холопы от него отшатнулись.

— Не с руки мне за Пашковым идти,— говорил Михай.— Зачем?.. Чтоб опять в кабале мучиться?

— Верно! — поддержали Михея мужики.— С Пашковым идти — в неволю ворочаться. А то и вовсе шкуру спустят, коли зло на нас держат...

В тот же день, 27 ноября, с реки Двины на выручку Шуйскому прибыл большой отряд стрельцов.

А гошцы доложили, что царские воеводы очистили от

Сборник
1882

мятежников Волок Ламский и Можайск. Да ещё к Москве двинулась надёжная рать смоленских дворян.

Царь созвал военный совет.

— Самый раз настал ударить по Болотникову,— сказал воевода Скопин-Шуйский,— часть войск его на левом берегу. Для нас выгода.

— К тому же,— добавил воевода Турениц,— в Ивашкинских войсках смута началась...

— Откуда знаешь?— спросил царь.

— «Языка» привели. Говорит, как услышали, что Пашков к нам перекинулся, холопов страх одолел. Сам Ивашка чернее тучи ходит...

— Готовить полки на вылазку!— приказал царь.

Сражение в Замоскворечье Болотников проиграл. Пришлось ему отступить к своему укрепленному лагерю, в село Коломенское.

А ещё через несколько дней к царю Василию пришло мощное пополнение — смоленские и ржевские полки.

Все свои войска царь двинул на Коломенское.

Но лагерь Болотникова оказалось не легко взять. Там были не только земляные укрепления, но и удачно придуманная придумка, которую назвали «обозом».

Что же это такое — обоз? А вот что. Собрали сотни саней, телег и повозок, поставили их в два-три ряда один на другие. Затем плотно набили сооружение соломой и стали обливать водой. На морозе всё это затвердело, словно камень.

Три дня били из пушек царские войска по обозу, разбить не смогли. Секрет укрепления выдал один дворянин-перебежчик. Он посоветовал стрелять огненными ядрами.

После такого обстрела лёд стал таять. Болотников с большими потерями ушёл на Калугу.

ДРОВЯНАЯ ГОРА

Царь Василий послал под Калугу своего брата Дмитрия с повелением: «Добить Ивашку Болотникова». Но

вскоре в Москву пришла весть: побитым оказалось войско Дмитрия.

Тогда царь отправил под Калугу второго брата Ивана с тремя полками и пушками. Тот хотя и осадил город, но взять никак не мог. Стены Калужского острога¹ были не из камня, а из дубовых брёвен. Брёвна, толстые и тяжёлые, сложили в несколько рядов, скрепили. Даже пушечные ядра не могли разбить такие стены.

— Стрелять из огненных пищалей!— приказали воеводы.

* Но возникавший пожар быстро тушили защитники.

Тогда кто-то из воевод предложил:

— Наведём на стены деревянную гору и подожжём. От её пламени любые брёвна сгорят.

Мужикам из окрестных деревень было велено валить лес и рубить его на дрова. Каждый день несколько сот саней доставляли дрова к лагерю.

И вот со стен острога увидели осаждённые, как стала вырастать на некотором отдалении деревянная гора. Быстро росла эта гора, потом начала понемногу двигаться к стенам острога.

Как же она двигалась? Да очень просто. Ратники, которые прятались за дровами, всё время перекидывали поленья. С каждым днём ближе и ближе подступала гора к стенам Калуги. Стрелять по ней со стороны острога было бесполезно: никого не видно.

Болотников в самое время разгадал план царских воевод. Он собрал приближённых и сказал:

— Коли воеводы подведут деревянную гору под стены да зажгут, мы пропадем. А потому сидеть сложа руки да смотреть, как та гора к стене идёт, не будем. Есть у меня дума, как погубить деревянную гору.

В ту же ночь надёжные люди начали рыть подкоп под стеной в сторону деревянной горы. Среди них был и Михей

¹ Острóг — здесь: город, укрепленный пункт.

Долгов. Никто не знал, для чего роется тот подкоп, но чувствовали, что дело им доверяли большой важности.

Болотников сам не раз спускался в подкоп, замерял аршином его длину, иногда требовал, чтоб все затихли: прислушивался.

— Чу, ребята! — И спрашивал: — Что сверху слышать?

— Никак, шестистит что-то, — отвечал силач Терентий.

— Копайте ещё, — говорил Болотников.

А деревянная гора уже близко подступила к стене острога. С беспокойством смотрели на неё осаждённые.

Но вот Болотников остановил землекопов.

— Хватит. Дальше не ройте.

Потом он велел сделать конец подкопа пошире. Когда и это было выполнено, Болотников распорядился закатить в подкоп бочки с порохом.

— Плотней ставьте, чтоб побольше вошло, — поучал он. Так под деревянной горой и парекими ратниками образовался огромный пороховой погреб. В нескольких бочках Болотников приказал выбить донца. Прямо в порохи вставили промасленные фитили.

В одну из ночей Иван Исаевич взорвал начинённый порохом подкоп. Страшным был тот взрыв. Гроыхнуло стократ сильнее грома. Чудилось, будто сверкнуло сто молний и земля раскололась на куски. Высоко взлетели поленья и ратники Шуйского...

Сразу же после взрыва Болотников вывел своё войско из города и, пока враг не успел опомниться, ворвался в его лагерь. Восставшие нанесли ещё одно поражение царским воеводам.

Однако Болотников не ушёл из Калуги после этой

успешной вылазки. Военской силы у него было значительно меньше, чем в полках Шуйского, что стояли неподалёку. Поэтому он пока не мог рассчитывать на победу в открытом бою. Пришлось ему ждать подмоги.

ИЗ КАЛУГИ В ТУЛУ

На выручку осаждённому Болотникову направил свои войска «царевич Пётр».

Скажем сразу, никаким царевичем этот «Пётр» не был. «Петром», сыном царя Фёдора Ивановича, провозгласили его казаки, вместе с которыми он гулял по Волге. Родом он был из Мурома, а звали его Илейкой. Казаки решили, что за хорошим царём (то есть за «Петром») народ смелее пойдёт против плохого царя — Шуйского.

В мае 1607 года «царевич Пётр» направился с отрядами к осаждённой Калуге. Царь Василий велел вывести полки навстречу. И вот в селе Пчельне произошло сражение. Закончилось оно полным разгромом царских войск. Ратники, оставшиеся в живых, «с великим ужасом прибежали в свой лагерь под Калугу».

Нетерпеливые атаманы предлагали тут же выйти навстречу потрепанным ратникам и дать бой. Но Болотников рассудил: пусть войдут в лагерь, поведают о гибели полков, посеют страх и тревогу, и уж после...

Стало смеркаться. Во вражьем лагере стояла скорбная тишина. Не было привычного шума и гомона, даже костры горели невесело.

— Смотри на меня, — приказал Болотников старшему

пушкарю, — коль выну саблю из ножен да махну, вдарить разом изво всех пушек. Ясно?

— Всё исполним, как надобно, — ответил пушкарь.

— Чтоб летели со свистом, — велел Иван Исаевич казакам. — Да чтоб каждый кричал за десятерых, глотки не жалел. А уж рубиться мне вас не учить...

Пояснил Болотников, каким отрядам куда — кто в лоб ударит, кто по краю, кто в обход пойдёт. Со стены вражеский лагерь был весь на виду, знали его болотниковцы будто свой.

Ещё стемнело. Махнул Болотников саблей:

— За мной, други!

Ухнули пушки со стен.

С криком и свистом понеслась на государев стан конница.

Опешили ратники. Уж не привиделось ли им? Не успели раны зализать — и снова бой. Повсюду дязг сабель, вой дуль...

Иван Исаевич люто бился, повергая врага одного за другим. Рядом дрались Михей да силач Терентий.

Вот уж и чей-то меч блеснул над головой Болотникова. Но упредил Терентий — хватанул бердышом по руке служилого.

Стремглав бежали прочь царские ратники. Очухались вёрет через пятнадцать, поняв: отстала от них шальная погоня.

Так, несолоно хлебавши, отступило царское войнство от Калуги. Иван Болотников ушёл со своими отрядами в Тулу, где соединился с войском «царевича Петра».

Тула была намного крепче Калуги. Помимо дубового острога, в Туле имелся ещё и прочный каменный кремль, стены которого могли надёжно укрыть большое войско.

К этому времени у Шуйского служилых людей оставалось мало, платить им было нечем. Царь пошёл даже на такую меру: велел отбирать у церквей и монастырей серебряную утварь, чтобы переплавить её и пустить на

чеканку монет. Да и холопам, покинувшим войско Болотникова, обещал дать волю.

Вот бы воспользоваться трудным положением царя Василия и двинуться походом на Москву! Но момент был упущен. Шуйский успел собраться с силами, и его воеводы нанесли восставшим два поражения — на реке Восьме и реке Вороньей, после чего осадили Тулу.

ПЛОТИНА

Крепким орешком была Тула. А ведь не только в Туле мятежный народ собрался. В руках у восставших были и другие города. «Нет, — думал царь, — сперва нужно с Тулой покончить. Там зачинщики сидят. Оттуда всё зло происходит. Все войска нужно бросить на Ивашку Болотникова».

30 июня царь вместе со своим двором, отборными полками и обозом, набитым всякой съездью, прибыл под Тулу. Теперь город был осаждён мощными силами. На левом берегу реки Упы под стенами острога стояли Большая, Передовая и Сторожевая полки. Пушки были расположены по обоим берегам, и это позволяло простреливать город с двух сторон.

И всё же сколько ни палили пушки и сколько ни пытались ратники взять город приступом, ничего не получалось. Шли своей чередой дни, недели. Вот и месяц миновал, а толку не было. Царь Василий злился. Ему казалось, что воеводы нарочно тянут время — навредить хотят. Он приказал никого не пускать к себе в шатёр, увеличил возле себя число стражников.

И вот доложили царю, что просится к нему боярский сын Иван Кравков.

— Что ему надобно? — нахмурился Шуйский.

— Хочет слово молвить.

— Пусть через людей передаст.

— Говорит, только государю скажет, потому как дело больно важное.

Царь велел обыскать боярского сына — нет ли у него при себе ножа, — а затем пропустить.

Иван Кравков вошёл, поклон почтительный отвесил.

— Сказывай! — Шуйский смерил его тяжёлым взглядом.

— Придумал я, как учинить погибель...

— Кому?.. — вздрогнул царь.

— Туле. Пониже города надо бы на реке плотину поставить... — Кравков примолк, несмело взглянул на Шуйского.

— Сказывай, сказывай... — Царь в нетерпении шагнул к нему.

— Вода поднимется — в городе потопление станет.

Царь прошёлся взад-вперёд по просторному шатру.

— Толковые слова говоришь, боярский сын, — сказал он, остановившись. — Ступай, службу твою я не забуду.

В тот же день на реке Упе начали по приказу царя строить плотину. Закончена она была через два месяца.

АМБАР ШИШОВА

А в городе дела были плохи. Народ голодал. Да тут ещё потопление: вода поднялась, улицы и дома, что были пониже расположены, оказались под водой.

Начали посадские люди, холопы да крестьяне роптать, кое-кто стал требовать, чтоб открыл Болотников ворота.

— Нет больше терпенья, — говорили они, — мало того, что с голоду духом, да ещё в воде сидеть приходится.

Иван Болотников вышел на городскую площадь. Гул людской утих.

— Ведомо мне, — начал Болотников, — что тершите вы во всём нужду великую. А за что тершите?.. Не ради меня. Но за ту вольную жизнь, которую добывать вы пошли, оставив дома жён и детей. Ради этого поднялись вы против господ своих, не щадя жизни. А у меня с вами одна доля. Мне больше вашего не нужно. И нужду я с вами терплю одну и ту ж. И ем не больше вашего...

— Да как без хлеба-то и вовсе помрём! — крикнули ему из толпы. — Дальше-то как же?

— Ищите зерно в домах у богатеев, — отвечал Болотников, — у дворян и бояр. Всё, что найдёте, делите меж собой. — Он помолчал и вдруг крикнул: — Ежели этого не хватит, убейте меня и съешьте! Но город сдавать не позволю!

Тишина наступила на площади, как в поле в морозный, безветренный день.

Снова заговорил Болотников:

— Я ваш воевода, ваш воевода. Коли доверились мне — не роптать. Да ещё вот что прикиньте: дело к зиме идёт. Станет река — а там, глядишь, прорвёмся с боем. Не впервой из осады выходить...

Зашумел народ:

— Будем с тобой до конца!

— Умрём вольными людьми, а не под господскими палками!

— Чего помирать?.. Одолеем!.. — крикнул Михай Долгов.

Болотников сам отобрал людей в особую дружину. Надлежало им изымать у зажиточных людей хлеб, чтобы раздать бедноте. Обошли все их дома, насобирали кое-что из припрятанного. Но в одном доме закавыка получилась. Пришли дружинники во двор, а хозяин гонит их:

— Вон отсюда! Я воеводой у Ивана Исаича. Аль не слышали про Никиту Шишова?

О тульском дворянине Шишове, ставшем на сторону Болотникова, ведали дружинники. Старшой из них, Михай Долгов, всё же не смолчал:

— Иван Исаич наказал нам идти ко всем без разбору. Негоже, хозяин, делаешь.

— Я вам покажу «негоже!» — топнул оземь Шишов. — Унесите со двора ноги. — Он выхватил саблю.

— Ты сабелькой-то не маши, — тяжело глянул на него Михай. — Пошли, ребята.

— То-то,— усмехнулся Шишов.

А через час на двор к нему явился Болотников.

— Открывай амбар!

Никита Шишов за саблю уже не хватался.

— С моего стола,— проговорил он,— три воеводы кормятся и боярин Андрей Андреевич Телятевский.

— Открывай,— глухо произнёс Болотников, будто и не слышал сказанного.

Из амбара дружинники вынесли пятнадцать мешков с зерном. Уходи со двора, Болотников оглянулся:

— А воеводам и князю Андрею Андреевичу скажи, с войском кормиться станут.

Насупил брови Никита Шишов, но промолчал. Лишь когда унесли дружинники последний мешок, сказал:

— Попомни милость твою, Иван Исаич.

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА

В густом мраке ночи из неслышно приоткрывшихся ворот выехали шестеро всадников. Все они были при оружии, да ещё у каждого за спиной в мешке лежал бочонок пороха. Об этой вылазке Болотников поведал лишь воеводам. Всадникам были отданы лучшие из оставшихся лошадей. А о том, что надлежит им сделать, люди узнали только перед воротами острога.

Один кузнец Терентий — Болотников назначил его во главе отряда — был посвящён в дело заранее.

— Сперва доберётесь до ближнего леса,— напутствовал Иван Исаевич,— далее сверните к реке. А там до плотины рукой подать. Ну, с богом!

Всадники быстро пронеслись по открытому месту и скрылись в лесу. Царский дозор не кинулся бить тревогу по случаю малого числа мятежников.

— Слава те господи! Проскочили! — Кузнец обернулся к товарищам: — Гляньте, у всех ли трут да огниво?

Оставалось главное — выйти к плотине, поставить бочки и поджечь фитида.

* * *

Болотников беспокойно ходил по стене острога, вслушиваясь. Он ещё раз прикинул возможность отряда. По силам ли? Как доносили лазутчики, плотина не охранялась. Царским воеводам и в голову не приходило, что её попытаются разрушить.

Из ближнего леса доносились крики неясны¹. В них Болотникову почудилась какая-то тревога. «Пошто так надрываешься, серденная? — подумалось невольно. — Али кто обидел?» Но тут его захватили другие мысли: «Ежели удастся подорвать плотину, Тула была бы спасена: до морозов не успеют вновь перекрыть реку».

До стен острога долетел далёкий взрыв. Неясны смодкла. «Свершилось!» — подумал Иван Исаевич. — Удалый ты мужик, кузнец Терентий. Но почему взрыв один и песьильный? Бочек-то подюжины прихватили. Ладно. Утром посмотрим, как вода падёт...»

Но вода не ушла. Сколь ни смотрели со стены осаждённые, вокруг была холодная, несущая гибель вода...

Через несколько дней узнал Болотников, что плотину взорвать не удалось — люди его попали в засаду — и что напоследок, когда уже не было сил отбиваться, вышиб Терентий дно у бочонка с порохом и ткнул туда подождённый фитиль...

Одного не узнал Иван Исаевич: упредил врага о вылазке Никита Шишов.

ЦАРСКОЕ ОБЕЩАНИЕ

А между тем положение царя Василия опять ухудшилось. Всё чаще и чаще приходилось ему отводить отряды и полки из войска, что стояло под Тулой, и посылать их на усмирение других городов. Но не только это ослабляло воинство Шуйского. Ратники устали от долгого стояния.

Созвал царь бояр да воевод на совет. Решено было

¹ Н е я с ы т ь — сова.

вступить с Болотниковым в переговоры: коли сдаст он Тулу, то Шуйский обещает всем тульским сидельцам жизнь и свободу, в том числе самому Болотникову и «царевичу Петру».

Вожак восстания тоже задумался: и так и эдак прикидывали царское условие. Наконец Болотников сказал:

— Шуйский хитёр, как старая лиса. Но и сидеть здесь — верная для нас погибель. Покуда помощь придёт, перемрём тут все до единого. Коли мы с войском нашим из Тулы уйдём, сбережём людей. Войско целым останется. А сейчас биться с Шуйским нежего; у него сил воятеро больше. Пусть он клянётся, что сдержит своё обещание.

В лагерь к Шуйскому были посланы люди Болотникова, и царь при них дал торжественную клятву выполнить своё обещание.

* * *

10 октября Тула открыла ворота. Сразу же Болотников и «царевич Пётр» были позваны к царю. Выехали они со своей свитой. Но свита оказалась заранее подкупленной. По дороге на «царевича Петра» и Болотникова предательски накинулись и связали. Так, пленниками, их доставили к Шуйскому.

— Что, воры, попались? — усмехнулся Шуйский.

— Клятвopодавец! — с презрением глядя ему в глаза, сказал Болотников.

— Вспыпать баатов! — Шуйский сделал знак челяди. — Да рты позатыкайте, чтоб всё втихую было.

Открыто расправиться с вожаками царь не посмел: мятежные отряды были при оружии, да и свидетели здесь находились, видели, как он крест целовал. Предатели-атаманы распустили слух, будто Болотников и «Пётр Фёдорович» у царя гостуют, а войску, мол, приказано расходиться восвою.

Шуйский не стал задерживаться в Туле, уехал в Москву. Вскоре туда были привезены в оковах Болотников и «царевич Пётр».

— Илейку Муромца повесить у Данилова монастыря, — распорядился царь.

Болотникова он не решился казнить. Приказал тайно отправить в Каргополь, а людям, которые должны были его туда доставить, пригрозил:

— Ежели кому протговоритесь, велю языки вырвать.

НА РЕКЕ ОНЕГЕ

Под сапогами стражников скрипел снег. Болотников шёл босиком, но холода не чувствовал. Его, подталкивая, вели за палку, к которой были привязаны обе руки. Куда ведут, не видел: шагал в кромешную тьму.

Месяц назад он сбил с ног двух охранников и бросился по ступенькам прочь из глубокого каменного подвала, в котором сидел, потеряв счёт дням и неделям. Охранники не ожидали, что прикованный цепью к железному крюку узник кинется на них. Но он сумел распатать и выдернуть крюк из стены. Так и бежал с цепью и крюком на руках. «Держи!» — неслось снизу.

Распахнув дверь, он на миг остановился, поражённый ярким дневным светом.

Болотников был схвачен и жестоко избит. И раньше его били на допросах. «Куда дел награбленное?» — «Отдал», — говорил он. «Кому?» — «Всем, кто был со мной». Потом ему выкололи глаза.

Сейчас он шёл и не ведал, ночь на дворе или день. Прислушивался... Вот коротко, по-зимнему, тинькнула синица. Значит, днём повели. А куда?.. Синичка опять пропела «тинь-тинь». Болотников представил личугу: вёрткая, желтобокая, с чёрной полосой на груди. Он повернул голову в её сторону: «Кроха вольная, спой ещё. Там, в подвале, тишина мёртвая, ничего, кроме мышиного шороха, не слышно. Как же славно поёшь ты, синица... Где ты? Почему замолчала?»

Опять лишь скрипит снег. Но вот стражники остановились, отвязали палку. Будь Иван Исаевич зрячим, увидел

бы, что стоит на запорошённом льду Онеги. Перед прорубью. В наступившей ненадолго тишине раздался сорочий треск. И вдруг Болотников ощутил доподлинно — пришёл конец. Его толкнули в бок:

— Говори, где схоронил?..

На шею надели петлю. К концу верёвки был привязан мешок, куда лишь оставалось положить камень.

— Скажешь, царь помилует. У тебя ить было золото? — допытывались стражники.

— Было, — с трудом вымолвил он. — И кой-чего подороже было. Дал им...

— Кому дал?

— Людям... — И покачулся от удара палкой.

— А чего ж ты им дал дороже золота?

— Воли вкусить... Кто раз вкусил... на всю жизнь запомнит. И детям своим... передаст.

— Молись, вор.

— Прости меня, господи... — Болотников совсем беззвучно зашевелил губами: — Сорока, сорока, облети людей, обнеси вестью... Они меня помнят...

В мешок опустили камень.

— Кончай его!

Один из стражников с силой толкнул Ивана Исаевича. Прорубь плеснула водой и застыла — чёрная, бездонная...

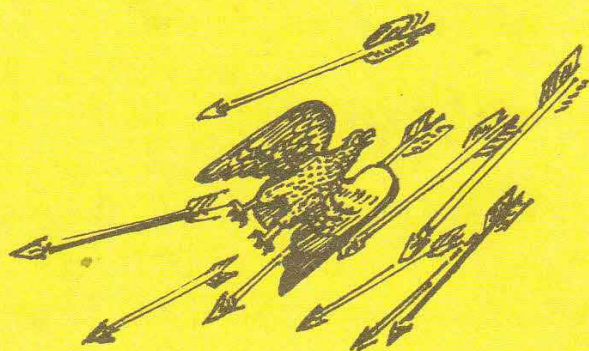
* * *

В далёкой северной стороне погиб в одиночку вожак восстания Иван Болотников. Но имя его ещё долго гремело в народе. Ибо не просто так, не восвося разошлись люди Болотникова: каждый из них успел подышать вольным воздухом, успел познать силу свободы.

Не удалось Болотникову скинуть господскую власть. Но не зря прокатилось его восстание по Руси. Поняли люди: за волю и землю нужно бороться.

10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Литературно-художественное издание
ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Тихомиров Олег Николаевич

Сказ об Иване Болотникове

Ответственный редактор *С. П. Мосейчук*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Корректор *Л. А. Лазарева*

ИБ № 10237

Сдано в набор 21.07.87. Подписано к печати 12.02.88. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт бодони. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отг. 2,33. Уч.-изд. л. 1,43. Тираж 1 000 000 экз. (2-й з-д 500 001—1 000 000 экз.) Заказ № 6610. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»